

Памяти Ант. Павл. Чехова.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ грустнаго извѣстія о кончинѣ уважаемаго писателя набрасываю нѣсколько строкъ, характеризующихъ его личность.

Въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, когда я участвовала въ изданіи „Смоленскаго Вѣстника“, Антонъ Павловичъ Чеховъ написалъ ко мнѣ письмо, прося обратитъ вниманіе на положеніе семьи умершаго провинціального писателя П. Сдѣлавъ все, отъ меня зависящее, я заѣхала какъ то въ Москвѣ къ Антону Павловичу, чтобы сообщить ему лично о результатѣ моихъ хлопотъ. По Петербургу я хорошо знала его брата Александра Павловича Чехова, пишущаго подъ псевдонимомъ А. Сѣдой, но Антона Павловича видѣла впервые. Писатель принялъ меня очень любезно и мы разговорились. Случайно разговоръ нашъ перешелъ на людей 60-хъ годовъ, къ которымъ А. П. отнесся съ такою горькой укоризной:

— Ваши шестидесятники только громкія слова говорили, а дѣла не дѣлали. Наше поколѣніе несравненно выше, оно молча проводитъ идеи въ жизнь, прилагаетъ ихъ къ дѣлу.

— Согласитесь, Антонъ Павловичъ, возразила я, что если бы шестидесятники не выработали идей, то слѣдующему поколѣнію нечего было бы примѣнять... Вспомните, до чего новы были для общества ноклынувшія тогда идеи. Надо было усвоить, развить ихъ... Вѣдь до смѣшного доходила молодежь, увлекаясь новыми мотивами.

— Это такъ, это понятно... Но вѣдь только тѣ мотивы достойны уваженія, которые перешли въ дѣйствіе. Пока идея остается безъ приложенія, ея „борцы“ не заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

— А идеаль вы забываете? Что значить выносить въ себѣ идеаль обществу! Для этого нужно время...

— Ахъ, не говорите мнѣ объ идеаль! Всѣ съ нимъ носятся и скоро мы дождемся, что самые грязные людишки прикроются этимъ флагомъ.

— Не спорю. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надо отказаться отъ самаго идеала. Поставьте иное слово, если это опошлилось, но стремленіе къ совершенствованію всегда должно быть желательнымъ... И литература, по мѣрѣ силъ, должна указывать идеальные типы. Знаете ли, чѣмъ упрекаютъ васъ многіе? Тѣмъ, что у васъ нѣтъ идеала,—и что поэтому то вы не даете положительныхъ типовъ, а лишь отрицательные.

Какъ только я это высказала, Антонъ Павловичъ съ гнѣвомъ вскочилъ съ мѣста и зашагалъ по комнатѣ нервно сбивая и путая ногами коверъ, застилавшій полъ.

— Скажите тѣмъ, кто это говоритъ, что мой идеаль — отрицательный! Я не виноватъ, что живу въ то время, когда нѣтъ вокругъ живой души, нѣтъ дѣла, нѣтъ ничего, что стоило бы изображать иначе, какъ отрицательно. Мои герои — измученные люди, но они лишь стараются согласовать свою жизнь съ принятымъ мотивомъ... Не могу же я изображать торжествующихъ героевъ идеи, когда ихъ нѣтъ въ жизни!

— Правда, Антонъ Павловичъ, я съ вами согласна; я даже въ вашемъ „Ивановѣ“ вижу, угадываю вашъ отрицательный идеаль. Но этимъ вы только подтверждаете мое мнѣніе, что для выработки идеи и приложенія ея къ дѣлу нужно время. Есть цѣлыя историческіе промежутки, когда дѣла ничтожны, а идеи богаты — и на оборотъ. Съ этимъ надо считаться.

— Я знаю, это старыя истины... Но каково писателю, когда сфера, въ которой онъ вращается, такъ однообразна, такъ сѣра, что и типовъ-то, кромѣ самыхъ сѣренькихъ, взять не откуда? Поневоля пишешь мелочи, а вы толкуете объ идеаль, о положительныхъ типахъ... Вотъ я рѣшилъ теперь ѣхать на Сахалинъ. Быть можетъ тамъ, среди преступниковъ, болѣе яркіе типы найду и создамъ что-либо крупное. Меня давитъ однообразіе нашего общества...

— Простилась съ уважаемымъ писателемъ и уже болѣе не встрѣчалась съ нимъ.

Какъ извѣстно, изъ поѣздки на Сахалинъ онъ не вынесъ крупнаго произведенія. Тѣмъ не менѣе, талантъ его значительно развился и далъ намъ множество живыхъ изображеній, оставаясь попрежнему въ своей отрицательной сферѣ. Какъ жаль, какъ больно, что такъ рано лишились мы этого правдиваго художника-писателя, творившаго не однимъ умомъ, но и сердцемъ. Не дождался онъ достойной его поры, которая, конечно, наступитъ и для нашего общества,—не дождался возможности создать положительный типъ.

Е. Поливанова.